Не клеить

314

315

Перед встречей с Григорием Гориным посмотрел его послужной список в «Литературном энциклопедическом словаре». Не очень-то, впрочем, верил, что найду в издании этого писателя. Нашел: театральные пьесы: «Забыть Герострата!», «Маленькие комедии большого дома» (совместно с А. Аркановым), «Тиль», киносценарии «Ты — мне, я — тебе», «Тот самый Мюнхгаузен», «О бедном гусаре замолвите слово», сатирические и юмористические рассказы...

Кто вы, Григорий Горин?

Киносценарист! Драматург! Автор рассказов!

Григорий ГОРИН:

«ПОЭТОМУ Я НИ ОТ ЧЕГО НЕ ОТКАЗЫВАЮСЬ...»

● Я впервые видел такого редактора, который был бы на стороне автора — на моей стороне.

● — Как я отношусь к предложению объявить 1 апреля нерабочим днем с последующим вычитанием этого дня из отпуска?

Отношусь хорошо. Только предлагаю объявить 1 апреля нерабочим днем для рабочих, а из отпуска вычитать его у администрации.

● Вижу возрождение жанра сатиры в собрании анекдотов... Авторы анекдотов могут приравниваться к неизвестному автору «Слова о полку Игореве»...

● — Какие книги, воспитывающие чувство юмора, я ввел бы в школьную программу?

«Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Чего же ты хочешь?» В. Кочетова, пьесы А. Софронова. Надо научить детей смеяться над тем, что воспринималось нашей литературой всерьез.

● Юмор в той ситуации, в которой находится наше общество, обладает спасительной функцией...

Читатели „КО"!

Начнем перестройку с изменения выражения собственного лица!

Будем помнить, что серьезное лицо — не обязательно признак ума!

Все глупости на земле делались именно с этим выражением лица!

Г. Горин.
1 апреля 1989 г.

— Емкое слово «писатель» объединяет все эти понятия. Меня всегда возмущало желание растащить это слово «по рубрикам», по жанрам. Напоминает пословицу: «Всяк сверчок знай свой шесток». Зачем себя ограничивать? Жизнь не одномерна, она требует разных форм отображения, поэтому не могу замыкаться в каком-то одном жанре. И тогда работа доставляет огромное удовольствие. Сейчас я больше занимаюсь театром. До этого работал в кино. Начинал и в течение 10 лет был рассказчиком.

— Об этом и речь. Для многих читателей Горин остался автором блистательных сатирических рассказов.

— По ощущению времени мне кажется, что короткий сатирический рассказ, которым славилась 16-я полоса «ЛГ», потерял интерес у читателя. На смену пришел эстрадный рассказ, с которым выступают многие авторы - исполнители. Я не оцениваю — констатирую. Включаться в этот аукцион мне не хочется. Крайне редко выступаю перед слушателями, несмотря на то, что... сейчас заработки у выступающих довольно высокие. Здесь играет роль внутреннее противоречие с собственной совестью: мне кажется не очень нравственным ратовать за перестройку, говорить о проблемах и трудностях — и получать за это большую сумму. Что-то в этике нарушается...

— Рой Медведев, которого я пытался сагитировать выступить по просьбе одного кооператива, сообщил, что он вообще-то предпочитает выступать бесплатно, и рассказал историю одного своего выступления, организованного кооперативом в Московском Дворце молодежи: выступал историк бесплатно, но вынужден был купить билеты для своих друзей и домашних, желавших его послушать, а также для... самого себя! Чтобы пройти на собственное выступление!

— Я никогда не заглядывал никому в карман и считаю безнравственным считать чужие деньги. Но так повелось на Руси — есть закон твоего личного участия в общем процессе. Тем более что сатирики всегда были людьми гонимыми, трудноживущими...

— И нуждающимися.

— Правильно! Таков путь всех великих — от Ювенала до Зощенко. Сейчас сатира стала довольно прибыльным делом. Появилось много так называемых «авторов - сатириков». Это естественный процесс, так было и есть. И в прошлом появлялся тот, кого мы называем «человек у микрофона», говорил о сиюминутных вещах, получал сиюминутный отклик и зарабатывал на этом какие-то деньги. Все правильно. Но если обратиться к судьбам подлинных сатириков всех времен, то увидим: у них все обстояло значительно сложнее. Возьмем Владимира Войновича. На мой взгляд, его судьба — судьба настоящего сатирика во всех ее оптимальных проявлениях. Человек написал сатирическую вещь, она потянула его за собой, изменила судьбу. То же самое произошло и с Александром Галичем: он был благополучным драматургом, благополучным сценаристом. Но вот родился в нем мощный сатирический жанр, который он не смог в себе погасить. И когда «задышала почва и судьба», когда муза повела его — человек оказался... за чертой своей страны.

— Как складываются у вас взаимоотношения с редакторами?

— Редактором моей последней книги «Комическая фантазия», вышедшей в «Советском писателе» два года назад, был В. Г. Клименко. Мне повезло с редактором. Вопреки мнению части рецензентов, которые предлагали исключить из сборника пьесу «Дом, который построил Свифт» и тем самым сделать Горина попрощe, повеселее — незаумного, он сделал все, чтобы пьеса осталась в книге, и в доказательство написал о ней целое эссе для начальства! Я впервые видел такого редактора, который был бы на стороне автора — на моей стороне. А вот в газетах у меня были постоянные стычки с редактурой — за каждый рассказ! Рассказ называется «Потапов» — выходит под названием «Остановите Потапова» — так газета высказала свое отношение к описываемому явлению! То и дело улетали финалы рассказов. Сейчас думаю собрать в отдельный сборник сатирические рассказы, которые читались со сцены в полном виде, а к читателю выходили без фраз, десяти—пятнадцати строк, без каких-то важных вещей... Юмор — это подробности. Если они исчезают, остается голый смысл. Все правильно, но не смешно!

— Ваши отношения с Главлитом?

— С цензурой у меня сейчас отношения вполне приличные, если сравнивать их с прежними временами. Впрочем, мои книги складывались в основном из произведений уже опубликованных, и цензура работала до прихода рукописи в издательство. В книге «Комическая фантазия» опубликованы пьесы, часть из которых была напечатана в журналах, часть — поставлена на сцене, и они прошли многоэтажную цензуру. Что-то я пытался возвращать в книге, и это оказывалось нестрашным. Опыт показывает, что сама цензура меняется у нас на глазах. Скажем, в пьесе «Забыть Герострата» цензура вычеркивала такой эпизод: судья обращается к Геростратуу: «Врачи не признали тебя сумасшедшим?..» В ответ: «Я никогда не обращался к врачам, значит, я уже не сумасшедший!..» Эта фраза вычеркивалась, ибо могла ассоциироваться с использованием психиатрии в судебных целях, что оборачивалось против недавних времен. Как видим, цензоры работали, словно люди с извращенными мозгами... Сейчас они достаточно миролюбивы. Ну какую я могу выдать государственную тайну? Или как я могу призывать к пропаганде порнографии? Функции Главлита довольно умозрительны. Их можно отдать редакторам — и весь институт цензоров может заняться другим делом.

— Не могу согласиться! Редактор, берущий на себя функции цензора, — жуткое явление. Совсем недавно зам. главного редактора «Советского писателя» М. Числов запретил мне вносить авторскую правку в верстку книжки: мол, над рукописью надо работать до сдачи ее в издательство! Вполне допускаю, что сам Числов ИМЕННО ТАК работает над СВОИМИ книгами—без правки на стадии верстки! Но ЧЕМ оборачивается это, мы недавно увидели, когда молодые авторы, чьи неопубликованные произведения он процитировал, подали на него в районный суд и выиграли процесс. (Не понимаю, почему наша пресса промолчала о таком беспрецедентном процессе: молодые поэты поставили на место администратора от критики!). Так что упаси нас бог от официального наделения редакторов цензорскими функциями: и без того достаточно «энтузиастов», взявших, видимо, по велению души на себя такие обязанности!

У вас есть какая-нибудь книга на выходе?

— В «Искусстве» выходит сборник «Тот самый Мюнхгаузен», который составил одноименный сценарий, а также «Дом, который построил Свифт» и «Формула любви». Все три фильма я сделал с Марком Захаровым. Теперь читатель будет иметь возможность познакомиться с литературным вариантом фильмов. Раньше я сомневался: нужен ли сценарий читателю? Теперь понимаю, что СП напрасно пренебрежительно относится к сценаристам, считая их произведения неким неполноценным литературным жанром. В рядах сценаристов выросли прекрасные писатели: П. Финн, Н. Рязанцева, А. Червинский. Многие прозаики могут им позавидовать... А Гребневу потребовалось стать лауреатом Госпремии, прежде чем ему разрешили издать сценарии. Думаю, если мы не хотим раздеть литературу, кино и ТВ, следует издавать сценарии, что будет соединять виды искусства, а не сталкивать их лбами.

Кстати, почему вы не спрашиваете меня, что я думаю о кооперативах?

— Да потому, что вы сами не уйдете от этого вопроса!

— Запрет кооперативных издательств реально остановил, на мой взгляд, много полезных начинаний, поселил в нас какую-то безнадегу по этому вопросу. Столичная секция драматургов обдумывала вопрос о создании кооператива московских драматургов, устраивала специальные совещания с приглашением юристов. Мы собирались выпустить книгу М. Жванецкого, мою, других драматургов, совмещающих в себе театр и юмор. У этих книг был гарантированный коммерческий успех. По аналогии с киносценариями считается, что пьесы — литература малопокупаемая, малочитаемая...

— Что-то не вижу на прилавках вышедшие в последние годы пьесы Булгакова, Эсхила, Жироду, Цветаевой, Плавта, средневековые французские фарсы... Привожу первое пришедшее на память!

— Не хвастаюсь, но свою «Комическую фантазию» при тираже в 30 тыс. я тоже не видел на прилавках. За 20 лет пребывания в Союзе писателей я выпустил 5 книжек: четыре тоненькие книжки рассказов, пьесы в «Советском писателе». Разрыв между ними — пять лет!

— Негусто для двух десятилетий!

— Это при том, что формально ко мне не было никаких претензий. Наоборот, было благожелательное отношение и ко мне, и к нашему жанру. Ведь это кокетничанье, что сатире во все времена жить трудно и т. д. Ей трудно жить в лучших ее проявлениях. А поскольку даже самый жестокий цензор, самый махровый бюрократ понимал и понимает, что Гоголи и Щедрины нужны (помните эту формулировку?), считалось даже в самые черные времена, что сатирики должны быть! Естественно, реальный спрос читателей на книги сатириков не удовлетворялся, реальные возможности сатириков не претворялись. Мне не приходится жаловаться. Труднее судьба у Арканова — у него одна книга в «Советском писателе». Жванецкий вообще получил свою первую книгу только к пятидесятилетию... Вот почему мы ухватились за идею создать кооперативное издательство: мы хотели доказать, что пьесы плюс рассказы могут быть читаемы и раскупаемы. Это могли доказать Жванецкий, Иванов, я, многие другие авторы. Мы не собирались зарабатывать на этом деньги. Я выше говорил, что сатирики — люди, которые могут сейчас существовать и без книжных гонораров. Часть прибыли мы хотели распределить между молодыми драматургами и писателями, которые покамест, не имея имени, не имеют и спроса. Это вопрос нормального писательского меценатства, которое не берут на себя наши издательства...

— Как и Союз писателей, впрочем!

— То, что наши книги имеют спрос, — очевидно. На своих выступлениях нам приходится экономно дарить свои книжки: одну — на школу, одну — на корабль, одну — на Нурекскую ГЭС... Так что спрос — будет, есть! Ну, а в помощи молодым писателям тоже нет ничего дурного, компрометирующего работу государственных издательств...

Увы, после декабрьского постановления наши надежды рухнули. Молодым литераторам нанесен ущерб, они снова вынуждены стоять в бестолковой, бессмысленной издательской очереди. Подрубилась и наша инициатива, потому что если даже завтра вопрос будет исправлен, надо будет вновь находить в себе инициативу, мужество... Нас столько раз обманывали. С каждым новым обманом надежда притупляется...

— Вернемся к проблемам собственного жанра. Говорят, что он сейчас переживает кризис...

— Конечно, переживает. Но не во всем. Давайте помнить, что к нам возвращаются лучшие сатирические произведения прежних лет. Я имею в виду, например, «Чонкина» В. Войновича. Не понимаю, что в этом произведении могло вызвать недавний гнев Анатолия Иванова?

— Просто он забыл или не знает заповедь, что художника должно судить по признаваемым им над собою законам. Кстати, себя самого, видимо, А. Иванов судит именно так.

— Я знаю трудную судьбу инициативы Э. Рязанова, решившего снимать фильм по роману Войновича... Войнович сейчас — один из самых печатаемых авторов. Со временем он будет одним из самых «ставимых» сатириков. Кстати, я сейчас работаю над пьесой для театра «Современник» по повести Войновича «Шапка», которая будет опубликована в сборнике писателя в «Московском рабочем»: этот рассказ о том, как в СП распределяли шапки между писателями в зависимости от их значимости. Материал повести я решил соединить с письмами самого Войновича в СП, его собственной судьбой. Недавно, будучи в Мюнхене у писателя, получил от него добро на такое свободное переложение. Мне захотелось рассказать о судьбе сатирика Войновича и его героях. Для меня он — подлинный сатирик, прошедший в своем развитии все этапы гонения на писателей нашего жанра.

Так что нельзя говорить о том, что наш жанр полностью откатился к эстраде и превратился в микрофонную литературу. Сатира существует — и слава богу! Но мне хотелось бы ощутить в ней какое-то новое качество. Писать рассказы постарому, как они когда-то появлялись на 16-й полосе «ЛГ», сейчас нельзя. Сейчас это менее интересно, чем содержание внутри «ЛГ». «Клуб 12 стульев» потому стал менее интересным, что он проигрывает середине газеты. Когда середина была пустой, первая полоса — официозной, естественно, читатели начинали читать «ЛГ» с последней полосы, чтобы понять, что же на самом деле происходит в стране.

— Ну, а в чем вы видите возрождение жанра?

— В собрании фольклора.

— ?..

— Я имею в виду анекдоты. Мы должны собрать по эпохам свои анекдоты, чтобы увидеть, как жило юмористическое настроение в нашей стране. На Западе я достал книги «Советский подцензурный анекдот», «Советская подцензурная частушка». Сотни исследователей занимаются там этим вопросом...

— «КО» опубликовало отрывки из коллекции Ю. Борева — анекдоты интеллигенции о Сталине...

— Но почему этим не занимаются наши ученые - фольклористы? Наша сатира будет действенна только тогда, когда мы будем публиковать в газетах анекдоты о нынешних делах, о нашем сегодня. Так делается во всем мире. В этом нет ничего обидного.

— Вы верите, что мы доживем до этого?

— Верю. Если начинать работу по собиранию такого фольклора, то в первую очередь надо обратиться в КГБ, поднять архивы людей, посаженных за анекдоты. Если бы «КО» ввело такую рубрику, то можно было бы печатать так: анекдот — срок за него, анекдот — срок... Знаете, есть такой анекдот 30-х годов: кто строил Беломорско-Балтийский канал? Левый берег — те, кто рассказывал анекдоты. Правый — те, кто слушал их. В этом анекдоте и зафиксировано отношение и к безвестным авторам, и к самому жанру.

— Если бы «КО» предложило вести эту рубрику Горину?

— Это большая работа, она скорее исследовательская. Но я был бы согласен помогать такой работе. Ведь это форма существования нашего фольклора. Авторы анекдотов могут приравниваться к неизвестному автору «Слова о полку Игореве», и грех отказываться от этого народного сатирического жанра, делать вид, что его нет.

— Раз мы коснулись особенностей нашего времени, хочу попросить вас ответить на первый вопрос первоапрельской анкеты «КО»: чем отличается сейчас сатира от юмора? Не произошли ли их смычки?

— Думаю, что она произошла. В разное время общество испытывает потребность в той или иной форме сатиры и юмора. Сейчас, по-моему, наступила пора юмора, а не сатиры. Сатирическую обличительность взяли на себя публицистика, общественное, газеты, журналы... Между прочим, юмор не означает развлекаловки. Юмор в той ситуации, в которой находится наше общество, обладает спасительной функцией, которую мы должны сейчас прививать народу. Он способен смягчать экстремальные ситуации. А они сейчас везде: и в отношении к кооператорам, и в отношении к власти, и в отношении к межнациональным проблемам... В ряде общественных явлений человек, лишенный юмористической культуры, переводит дело на рельсы скандала, нервов, истерики, мордобития...

— Стало быть, юмор призван быть громоотводом?

— Он способен смягчать нравы. Есть знаменитая история из времен французской революции: одного аббата решили повесить и потащили к фонарю. «Неужели вам станет светлее оттого, что вы повесите меня на фонаре?» — спросил он и тем спас себе жизнь.

— А сколько можно вспомнить шуток, стоивших их авторам жизни?

— У нас особенно. Тем более нашему жанру сейчас надо заняться главной своей функцией. Мы должны посмотреть на себя немножко... с улыбкой. Скажу честно: мы общество дикое. Меня пугает пафос. Я его ненавижу, потому что пафос всегда склонен обмануть общество. Ироническое отношение к тому, что мы все несовершенны, что самые важные наши законы все равно несовершенны и поступки наши несовершенны, — оно очень важно! «Юмор восстанавливает то, что разрушил пафос» — не будем забывать слова Ежи Леца! Юмор создает ощущение гармонии. Он дает нам ту гармонию, которой не хватает в нашем обществе. Можно задушиться из-за куска мыла. Но народ тут же придумывает анекдот — и проблема сразу же отбивается, ей не придается глобальности.

— Вы долгое время работали в соавторстве с Аркановым. Почему распался ваш дуэт? Нельзя играть вдвоем на скрипке? Или...

— Наш дуэт распался давно. Мы остались с Аркановым в прекрасных человеческих отношениях. В последней нашей книжке «Соло для дуэта» (вышедшей в «Искусстве» лет десять назад) мы писали, что объединились, чтобы создать что-то значимое — типа «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», и в то же время появилось желание написать что-то личное — типа «Выхожу один я на дорогу...». Писать, что мы выходим «вдвоем на дорогу» — значит путать поэзию с разбоем. Дуэты распадаются. Это закон искусства. Даже братья Вайнеры не смогли до конца донести груз соавторства. Искусство — индивидуальная вещь.

— Согласен. Но вместо Арканова вы взяли в соавторы... Костера, Свифта, Распе...

— Не столько в соавторы, сколько в путеводную звезду. Я понял, что, кроме реальности, существующей в жизни, есть реальность духовная, которая позволяет каждый раз создавать абсолютно новый мир. Это я придумал. Это завещано классиками. В этом отношении Пушкин сразу все поставил на место, создав обилие направлений в литературе: он написал «Онегина» — вещь оригинальную, и «Каменного гостя», «Моцарта и Сальери» — версии общеизвестных сюжетов.

— Не мешает ли это суверенности художественного мышления самого Горина?

— А это и есть Горин! Каждый должен возделывать свою делянку. Я это умею. Я пытаюсь увидеть Свифта, Распе, Костера современными глазами. Этот путь не заказан никому. Если же у писателя не получается, то зритель и читатель отвергают его работу, которая снижает современное представление об известной теме.

— «Скользящая» тема — материал для исследований. Дон Жуан, Дон Кихот, Пигмалион в литературе, «Завтрак на траве» и «Менины» — в живописи (Пикассо, например)... Судя по последнему показу по ТВ «Мюнхгаузена», читатель и зритель не отвергают вашу версию.

— Тысячи писем, которые я получил после выхода «Мюнхгаузена» на экран, говорят, что взгляд на врали, как на наиболее честного человека в обществе лжецов, заставил задуматься о собственной судьбе. И какая разница, каким путем я достиг этого результата? Я бы мог написать сатирическую повесть про писателя, который решил жить не по законам лжи в обществе в период застоя. А я написал о Мюнхгаузене, который врал так, что обнажалась ложь вокруг. Наше общество прекрасно владеет эзоповым языком, и его отменять еще рано!

— Даже в период гласности?

— Именно! Голая правда, сказанная прямолинейно, лоб в лоб, хороша для публицистического выступления, но она не вызывает сотворчества у слушающего человека. Когда я говорю с читателем по некоей знаковой системе, мы вдвоем с ним творим. У любой проблемы есть очевидная правда и правда глубинная, которая возможна при более глубоком изучении проблемы и рассматривается в разрезе истории всего человечества. Мы сегодня перерождаемся в иную формацию. Вопрос очень сложный. Можем наделать много ошибок. Не будем спешить! Давайте задумаемся! История, литература, искусство — тот багаж, которым человек оперирует для уяснения своего места в этом мире.

Конечно, это не отменяет другого подхода. Но правдоподобный театр мне лично сегодня неинтересен. Хотя он и очень правдив. Актеры вроде бы добиваются поразительной похожести. Но появилось документальное кино — и как бы известный актер ни гримировался под рабочего пивзавода, все равно хроника ТВ в сто раз убедительнее. Я вижу, как сейчас театр мучается, возвращается к своим исходным позициям.

— Все наше искусство стоит перед обретением художественности.

— Напрасно кто-то ждет, что перестройка в театре, поэзии и т. д. даст нам старые виды искусства в новом одеянии, что появятся еще более острые сатирики, в театре со сцены скажут еще более острую правду... Не хотят люди в театре слушать митинговую правду, не хотят! Последняя пьеса Шатрова в Ленкоме — «Диктатура совести» — пример тому — при всем ее успехе! Любое предвыборное собрание сейчас идет в сто раз острее. Если по одной программе будет идти пьеса Шатрова, а по другой репортаж с предвыборного собрания, вы можете переключить телевизор на репортаж. Но вы можете остаться завороженными «Медеей» только потому, что ее героиня — женщина, почему-то убившая своих детей...

Иногда испытываю на себе иронический взгляд: мол, это все литература о литературе. Дайте нам литературу о жизни... Я рад тому, что к литературе пробились правдивые рассказы Каледина и Петрушевской, и восхищаюсь ими. Но это их делянка. Не надо всем подражаться под них. Одно не должно отменять другого. К сожалению, то, что сегодня называется «чернуха», рванулось в театры, кино, литературу... И выяснилось, что есть порог интереса к ней! Не следует думать, что твое направление в литературе — единственно правильное. Пушкин мог соединить в себе несколько направлений...

— Я понимаю, почему Горин апеллирует к Пушкину: по Благому, многие произведения Пушкина созданы как пародии — фамильная форма жанра!

— Если мы вспомнили Пушкина, давайте вспомним и... Булгарина — абсолютного реалиста, существовавшего рядом с Пушкиным. Спросите меня, над чем я сейчас работаю?

— Уже спросил.

— Я пишу пьесу о Фаддее Булгарине: в этом году ему исполняется 200 лет со дня рождения, и никто, видимо, на Руси не вспомнит о юбилее этого мерзавца. Долг сатирика — прикоснуться к теме. В разработке мне много помог Н. Эйдельман. Занявшись историей Булгарина, я увидел, что она поразительно современная. Ведь он умирал в период первой перестройки — после смерти Николая I. Реакционер, мальчик для битья, которому сегодня могут позавидовать многие наши махровые литераторы, бывшие знаменитыми в период застоя и оказавшиеся вдруг на грани забвения... Можно было бы написать просто фельетон: стареющий Булгарин и т. д. Но я вдруг увидел, что у него есть своя микроправда. В этом весь пафос моей пьесы: сперва он обманывал до глубокой старости людей, а потом захотел обмануть и бога, влезть в историю. Булгарин был очень хитрым человеком. Именно он сохранил архив Рылеева — его портфель. Он, выдававший всех и вся, тайный осведомитель III отделения, этот портфель сохранил: вдруг дело повернется вспять... И повернулось. К старости он объявил себя либералом, достал из портфеля неизвестные письма Рылеева и стал доказывать, что был самым ближайшим другом декабристов (что во многом было правдой!). Вот так сейчас нам доказывают некоторые писатели, что они в период застоя страдали и подготавливали перестройку...

— Ваш «Мюнхгаузен» начинается с улыбки и кончается слезами на глазах зрителей. Какую судьбу зрительским глазам вы уготовили своим «Булгариным»?

— Таков закон русского юмора: и посмеемся, и поплачем. Другого пути нет. Пьеса будет начинаться с забавных вещей...

— А для слез оставите место?

— Да. Я глубоко убежден, что даже самый махровый негодяй для чего-то был создан богом. Докопаться до этого, попытаться его понять и, осудив, простить — моя задача. Ибо все его несовершенства работали на несовершенства наши. Ни Булгарин, ни Софронов не стали бы популярными, если бы их произведения не отвечали каким-то низким потребностям общества. И судя их, будем судить себя. Так что давайте устроим юбилей Фаддею Венедиктовичу, на котором посмеемся и поплачем над его судьбой. Наверное, и в нем было что-то человеческое.

— Вопрос на засыпку: какую из своих книг вы бы не хотели написать?

— У нас счастливый жанр. Даже период зажатости способствовал развитию дарования сатириков. Чем тяжелее пресс, тем больше сатирик ищет форм выхода из цензурных рогаток. Весь организм его собирается на борьбу, сопротивляется. Даже при зажатости сатирик может говорить! Да-да, паузами, например! Так получилось с нашим с Арковым спектаклем «Банкет», поставленным Захаровым. Он был сыгран 12 раз и запрещен. Министерство культуры во главе с товарищем Фурцевой внесло в пьесу 96 поправок. На одном прогоне в театр приехали представители министерства, которые проверяли по тексту свои поправки. Зал почувствовал, что что-то происходит. И когда возникали паузы — реагировал, как на самую лучшую остроту! Ведь можно сказать: «Погода сегодня так себе» — и замолчать. И в зале будет хохот, аплодисменты. Никогда спектакль не имел такого успеха. Представители министерства оказались в положении дураков.

Наш жанр такое позволяет. В прозе, поэзии этого нельзя. А у нас выкинь хоть все слова... В моей пьесе «Дом, который построил Свифт» есть ситуация, когда Свифту запретили говорить с кафедры. Он выходил и молчал — и все в ответ молчали. Но от молчания проповедника и молчания народа возникал такой ропот, что власти хватались за голову. Наш жанр — удивительный, живучий. Его нельзя поймать. Поэтому я ни от чего не отказываюсь. Я никогда не кривил душой не потому, что я такой смелый, — просто мне повезло с жанром.

— На один вопрос нашей первоапрельской анкеты вы ответили...

— К ответу на первый вопрос об отличии сатиры и юмора я добавил бы еще вот что: оба наших жанра сейчас переживают явный упадок; сатира, как я и говорил, отстает от публицистики, а юмор просто не поспевает за ростом цен и начинает таять вместе с товарами в магазинах.

— Вот следующие вопросы анкеты: вы остались один на один с читателем и сказали ему: «Послушай, брат читатель...». Продолжите, пожалуйста.

— «...Послушай, брат читатель, радио. Теперь не глушат».

— Какие книги, воспитывающие чувство юмора, вы ввели бы в школьную программу?

— «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Чего же ты хочешь?» В. Кочетова, пьесы А. Софронова. Надо научить детей смеяться над тем, что воспринималось нашей литературой всерьез.

— Что вы любите больше: себя в сатире или сатиру в себе?

— Не люблю ни сатиры в себе, ни себя в сатире, ни подобных вопросов, где каламбур подменяет смысл.

— Как вы относитесь к предложению объявить 1 апреля нерабочим днем с последующим вычитанием этого дня из отпуска?

— Отношусь хорошо. Только предлагаю объявить 1 апреля нерабочим днем для рабочих, а из отпуска вычитать его у администрации.

— Традиционный вопрос рубрики: какой вопрос Григорий Горин задал бы писателю Горину и как бы писатель ответил на него?

— Григорий, тебе не надоело давать интервью и рассуждать о судьбах сатиры и юмора? Хватит теоретизировать. Пиши! И надеюсь, что Григорий молча бы сел за работу...

Г. Горин.
1 апреля 1989 г.

«Автограф» брал Александр ЩУПЛОВ.

Автограф